

О РОЛИ ОБЩИНЫ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВО-ПОВИННОСТНЫХ ПРАКТИК В МОНАСТЫРСКИХ ВОТЧИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Статья посвящена одному из важнейших аспектов деятельности мирского самоуправления: принципам, организационным формам и механизмам раскладки налогов и государственных повинностей в крестьянских общинах различного уровня в монастырской деревне Центра России.

Ключевые слова: налоги, община, крестьянское самоуправление, финансово-фискальная функция.

А.С. Лаппо-Данилевский в своем фундаментальном труде по истории прямого налогообложения отмечал, что «зависимость крестьянской общины от землевладельца, как известно, далеко не уничтожила общинных порядков и при раскладке государственных податей едва ли особенно сильно ограничивала деятельность крестьянского мира». Констатируя упоминание в источниках старост, целовальников и сотских «разных помещиков» и вотчинников, он высказал предположение о том, что «все они производили раскладку, вероятно, на тех же основаниях, как и в северных волостях, хотя к сожалению эта сторона их деятельности пока остается для нас мало известною и во всяком случае была несколько стеснена надзором прикащика. Впрочем, то значение, которое сохранили эти выборные лица при взимании и доставке податей, заставляет предполагать, что и в раскладке они играли важную роль» [5, с. 302].

Целью исследования является изучение роли общины и мирского самоуправления в системе налогово-повинностных практик, существовавших в монастырской деревне Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Предложенное А.С. Лаппо-Данилевским трехчастное деление компетенции мирских выборных (раскладка – взимание – доставка податей) принято в качестве рабочей гипотезы. Одно из направлений научного поиска, задачей которого было выявление основных принципов, форм и механизмов раскладки / «разруба» налогов и государственных повинностей внутри вотчины и крестьянских общин различного уровня (и их перераспреде-

---

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, nsns@list.ru, Россия, г. Москва.

ния, если таковое осуществлялось), представлено в данной статье. Источниками исследования стали приговоры мирских сходов, монастырские и мирские приходно-расходные книги, подворные описания и окладные книги, подрядные записи и записи-поручительства, крестьянские сказки, отписки об уплате налогов, монастырская переписка и др.

«Общественный дуализм» общины [1, с. 178], которая, с одной стороны, являлась защитником интересов сельского мира «in согоре», а с другой — выступала в качестве инструмента фискальной политики государства и землевладельца, отчетливо проявлялся при исполнении ею функций, связанных с налогообложением. Источники свидетельствуют, что при работоспособном крестьянском самоуправлении землевладелец-монастырь, как правило, не вмешивался в мирские процедуры, связанные с организацией уплаты налогов и выполнения натуральных государственных повинностей. Как абсолютно обычная воспринималась современниками ситуация, зафиксированная, например, в вотчинной переписке из архива Донского монастыря: «Да августа в 1 число крестьяне в корабельное строение деньги розвели и начали собирать»².

Сохранившиеся мирские приходно-расходные книги, как правило, фиксируют несколько сборов в течение года. По справедливому замечанию Е.Н. Швейковской, они «констатируют произведенный «разруб» как акт уже состоявшийся», т.е. «запись приходных книг по отношению к самому “разрубу” вторична» [2, с. 68]. Соответственно, установить, был ли он произведен непосредственно на сходе, или сельский мир утверждал ранее произведенную монастырем или выборными раскладку, удается не всегда. Однако применительно к Центральной России встречаются и прямые указания на решение схода или мирской приговор. Например, в книгах мирского старосты в вотчине Шаровкиной пустыни в Перемышльском у. (села Варваренок и Петровское с дер.) Ильи Алферова под 7 июля 1703 г. записано: «Первый збор приговорили миром зобрать 3 десятины по 2 алтына по 4 денги на расход для всяких грацких прилучившихся дел»³.

Количество дошедших до нас мирских приговоров по вопросам налогообложения, бесспорно, меньше фактического числа происходивших на сходах «разрубов». И дело не только в общей сохранности крестьянских мирских архивов, но и в существовании практики, когда решения схода не фиксировались в письменной форме. Анализ уникального комплекса черновых приговоров 36 всеотчинных сходов, состоявшихся в 1721–1723 гг. в заопределенной вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря (с. Новое с деревнями, Рузский у.), показал, что вопросы, так или иначе связанные с «разрубом» повинностей, об-

---

² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 124. № 77.

³ Там же. Оп. 1. Д. 498. Л. 662 об.

суждались на половине мирских сходов. Полученные результаты можно сопоставить с данными по дворцовой Писцовской волости, мирские приговоры которой за 1734 г. ранее считались наиболее ранним годовым комплектом и были изучены В.А. Александровым. Разруб повинностей здесь также происходил более чем на половине сходов (58 %). Следует, впрочем, оговориться, что в обоих случаях ни один из годовых комплектов не является полным, к тому же писцовские приговоры все беловые и содержат только по одному вопросу. Однако на мирском сходе могли принимать несколько решений, в том числе о сборе денег на уплату разных налогов и сборов — как окладных, так и неокладных — запросных или чрезвычайных⁴. Если сход поручал сбор различных налогов разным людям, то каждый из них получал свой чистовой экземпляр мирского приговора, касающийся только этого конкретного сбора. Анализируя компетенции мирских сходов нескольких сложных общин, В.А. Александров отмечал «насколько единообразно в оброчных вотчинах было соотношение отдельных групп вопросов, решаемых мирскими сходами» [1, с. 139, 179]. В документах из архива Иосифо-Волоколамского монастыря, безусловно, нашел отражение некий общий тренд, присущий в первой трети XVIII в. крестьянскому самоуправлению сложных общин, по своему составу напоминающих общину-волость, причем не только в оброчных владениях и не только на землях светских земельных собственников.

В отличие от приходных книг крестьянских выборных, старост и целовальников, в приговорах мирских сходов цели сбора, как правило, изложены более или менее подробно. Так, в одном из упомянутых выше приговоров схода в с. Новое зафиксировано решение о сборе «с оной вотчины со крестьян на сей 722 год по переписным книгам 186-го году с крестьянских и з бобыльских дворов в военной по полуполтине, санктпитербургским работником потому ж, карабельных по четыре алтына з денгою, рекрутных по два алтына, подводных потому ж, ямских и полоняничных по гривне, к городовым делам на дело кирпича и на покупку припасов по два алтына по четыре денги, известных по полуосмы денги, драгуном на жалование набор Монастырского приказу по одиннадцати алтын по четыре денги, на корм драгунским лошадям по гривне, за пустые дворы по пяти денег, на гошпиталь по две денги, итого по рублю по девятнадцати алтын по полшесты денги з двора»⁵.

В некоторых общинах существовала традиция разруба и сбора некоей общей суммы для уплаты нескольких налогов, порой и превышающей известные тот на момент крестьянам окладные платежи. На-

---

⁴ Так, в рассматриваемом случае на 36 сходах были приняты решения по 48 вопросам, соответственно, и процент «фискальных» будет ниже.

⁵ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1722 г. Д. 12. Л. 12—12 об.

пример, в вотчинах Шаровкиной пустыни в начале очередного года мирской службы старосты собирали «сорокаалтынный сбор»: в декабре 1698 г. старостой Иваном Афонасьевым «збирана села Варваренок з 27 десятин, а збирана з десятины по 40 алтын»; аналогичный сбор зафиксирован в приходных книгах старосты Сидора Ларионова в новосильской вотчине (с. Глупок) в 1703/1704 г. — «з десятины по 40 алтын на всякие государевы поборы»⁶. В подобный объединенный сбор могли входить не только налоги и деньги на осуществление их платежа, но и сборы на различные мирские нужды или владельческая рента. Источники часто не показывают конкретные суммы по каждой «статье», что делает невозможным корректное вычленение доли собственно государственных налогов в совокупном объеме крестьянских платежей по приходным записям. Обращение к соответствующим расходным книгам помогает не всегда, поскольку в них, как правило, отсутствует четкое разграничение расходов, произведенных из денег того или иного конкретного сбора. В источниках найдено отражение и широко распространенная практика, когда на сходе устанавливали размеры платежа на единицу тягла только для самого налога, а дополнительные затраты на процедуру сбора, отвоза и сдачи покрывались из отдельно разрубаемых «мирских» денег.

Исследование показало, что несмотря на все изменения, происходившие в рассматриваемый период в номенклатуре и объеме прямых налогов и государственных повинностей, в монастырской деревне Центра России господствующим оставался повытно-потягольный принцип их раздела («разруба») внутри общины. До крестьянского мира могли доводиться как нормы налога на принятую на тот момент единицу налогообложения, так и результаты уже произведенного (в монастыре, на всеотчинном сходе, мирскими выборными или земским дьячком) пересчета на применявшуюся в данной вотчине окладную единицу — выть или ее доли, «кость», «рубль», «алтын», «деньгу», «десятину» и т.д. При всем многообразии использовавшихся для обозначения единиц обложения терминов, которое было отмечено еще А.Л. Шапиро [8, с. 207–208], эти различия не меняли сути происходившего. «Разруб» осуществлялся на основе ранее произведенного «оклада» входивших в общину деревень, а в каждой из них — отдельных крестьянских хозяйств. Для этих целей использовались разной степени подробности подворные описания с указанием размера тягла, «окладные книги», «окладные списки», «росписи тягла» и др. Имеющиеся на подобных документах пометы и исправления тягла отдельных дворов или деревень, по-видимому, отражают результаты частичного перераспределения тягла и свидетельствуют о том, что документ могли использовать в течение более или менее длительного времени, до нового валового тяглового обложения.

---

⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 399. Л. 281; Д. 473. Л. 19 об.

Прямая взаимозависимость взимаемых с монастырских сел и деревень налогов (ямских и стрелецких денег) и крестьянского тягла и, соответственно, его земельного обеспечения прослеживается в документе из архива Нижегородского Печерского монастыря: «157-го генваря в [...] взято села Ягоднова у старосты у Данилы Колоча с крестьян села Ягоднова и села Перевоз з деревнями с семидесят с трех вытей и с трех чети выти с осмухою и с полуосмухою и с половины полуосмухи ямских и стрелецких денег с выти по рублю по дватцати по два алтына по две денги, итого 123 рубли семнатцать алтын четыре денги. А не взято деревни Ковалева с пустовые с выти рубля дватцати двух алтын дву денег, отдана в наем под рожь к нынешнему ко 157-му году. Да не взято же деревни Танайковы с полувыти дватцати семи алтын пяти денег. Староста сказывает, земли де тяглые столько нет в той деревне, и та де полвыти положена служня Кубасовых детей»⁷.

Повытно-потягольный принцип мирской раскладки государственных налогов продолжает действовать и после введения в качестве окладной единицы дворового числа [4, с. 332]. Например, в наказной памяти в курмышскую вотчину того же монастыря (март 1673 г.) по поводу сбора денег на жалованье ратным людям («по переписным книгам по полтине з двора») предписывалось следующее: «И тех денег довелось села Коропова по переписным книгам со ста с пятидесят со шти дворов семдеят восемь рублев. А в нижегородцких инших вотчинах по розвытке на выть по семи рублев по десяти алтын. И старцу Феодосию и Миките Баскакову [с] старостою с Лукою Васильевым собрать наскоро те денги по розвытке с крестьянских дворов по тяглу». Упоминание в документе наряду с посельским старцем и монастырским слугой также и мирского старосты, причем по имени, надо думать, свидетельствует об активном использовании общины как фискального агента не только при сборе налогов. С бобыльских дворов налог собирали, приравнивая их к крестьянскому тяглу двору на $\frac{1}{32}$ выти: «А з бобылей с целых дворов против полполосмушников»⁸.

Вытная раскладка налогов осуществлялась в вотчине Суздальского Покровского монастыря в 1687 г. Согласно мирским приходно-расходным книгам, в с. Хрепилево (Суздальский у.), «октября в день бран збор с выти по три рубли в ямские и в полоненичные денги и стрелцом на корм и губному целовальнику и в постоялое да з двора по два алтына в наем подвотчиком восить к Москве хлеб ис Троецкого монастыря и того принято с четырнатцети вытей без денги». В документе зафиксирована «денга» в качестве мелкой доли вытного тягла («авгус-

---

⁷ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 192

⁸ Там же. Д. 648. Коропово – единственная вотчина монастыря в Курмышском у., что, видимо, и объясняет появление в документе информации об опыте «розвытки» в «инших» вотчинах, большинство которых располагалось именно в Нижегородском у.

та в 1 день бран збор с выти по два рубли в дровяные денги с четырнатцати вытей бес полуденги)⁹.

Одной из самых распространенных единиц тяглового обложения и «разруба» налогов в Центральной России и в первой четверти XVIII в. оставался «полуосмак». Так, в приходных книгах старосты всеволочинской общины в дмитровских владениях Донского монастыря (приписная Медведева пустынь) Лариона Моисеева под датой 26 октября 1700 г. зафиксирован сбор «в ямские и полоняничные денги по 6 алтынов по 4 денги с полуосмака», а под 28 марта 1701 г. — сбор «по 3 алтына по 2 денги с полуосмака в сенные государевы копенные денги»¹⁰. В вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря традиционная практика «разруба» сохраняется вплоть до середины 1720-х гг.: «И в оной платеж вышеписанные выборные и все крестьяня приговорили: собрать по мирской роскладке с вышеписанного тягла с полуосмака по два рубли по десяти алтын со всех сполна, бездоимочно, не норовя никому». В приговор мирского схода, состоявшегося 13 сентября 1721 г. в с. Новое (Рузский у.), вероятно, для удобства сборщиков, включена более подробная роспись норм «на майскую треть в рублевой збор, что збираетца в разные приказные платежи»: «И тое оные платежи приговорили с той вотчины со крестьян собрать с выти по 16 руб., с полувыти по 8 руб., з дву осмаков по 4 руб., с осмака по 2 руб., с полуосмака по 1 руб., с крохи по 16 алт. по 4 ден.». Таким образом, «кроха» здесь представляла собой $\frac{1}{32}$ выти, но она делилась и на еще более мелкие доли. Так, крестьяне дер. Медведкова (Рузский у.) Аврам Иванов и Иван Петров имели тягло «крошка с шестою долею крошки» и «кроха без шестой доли», соответственно. В соседнем Волоцком у. крестьянин того же монастыря Дорофей Иванов (дер. Ефремова) пытался уменьшить свое тягло до $\frac{1}{64}$ выти, однако натолкнулся на сопротивление односельчан: «Умыслом своим покидает доли своей половину крохи, на нас же уваливает. А сам только хочет быть на полукрохе. И то он собою, а мы так разоряемся. А ему Дорофею возможно и всею долею своею владеть, понеже у него лошадь и скотина есть, и работать есть кому». Отметим, что указанные в челобитной характеристики дворохозяйства, которые, по мнению крестьян, доказывают тяглоспособность Дорофея, согласуются с известным тезисом о зависимости величины тягла от трудовых ресурсов двора, наличия рабочего и продуктивного скота¹¹.

Наряду с широко распространенной вытью и ее долями в мирских приговорах и приходно-расходных книгах в связи с разубом налогов

---

⁹ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. № 75. С. 105, 106, 107; № 86. С. 11.

¹⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 447. Л. 87–89.

¹¹ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1721 г. Д. 11. Л. 14–14 об.; 1722 г. Д. 12. Л. 12 об.; Д. 41. Л. 15; 1724 г. Д. 20. Л. 34; Д. 29. Л. 1 об.

и государственных повинностей зафиксированы и другие единицы крестьянского тягла. Ранее уже отмечавшаяся исследователями взаимосвязь единиц так называемого «денежного счета» и выти [3, с. 140; 8, с. 208] прослеживается в «Книгах переписных села Щучья и деревень крестьяном мужеска полу з детьми и с тяглами переписи камисара Василия Буторина 723 году», зафиксировавших произведенный мирскими выборными¹² оклад в осташковской вотчине Валдайского Иверского монастыря: «А тягло положено денежным числом, выть по 4 алтына», «Итого 16 дворов, тягла 10 алтын 5 денег. И вытьми 2 выти с полувутью»¹³. Староста Заборовской волости Железоборовского монастыря (Галичский у.) Устин Сергеев в апреле 1691 г. дал сказку о том, что «приходу по мне з жилых жеребьев с осмидесят з девяти алтын в четыре помета сто тридцать четыре рубли без дву гривен»¹⁴. «Денежный счет» тягла нашел отражение и в приходных тетрадах 1716 г. старосты Юзской волости Донского монастыря (Галицкого у.) Семена Юдина («разрубили миром на государевы платежи на денгу 16 рублей 1 алтын 4 денги», «разрубили мирские люди на государевы денги на правиянт на денгу по рублю»). Согласно переписной книге 1718 г., $\frac{1}{4}$ «деньги» здесь называли «пирог»¹⁵.

В вотчинах Шаровкиной пустыни в конце XVII – начале XVIII в. существовала практика «разруба» налогов и государственных платежей с использованием в качестве окладной тяглой единицы «десятины» и ее долей («полудесятина», «четверик», «колесо»¹⁶). В крестьянской челобитной на бывшего старосту Ивана Афонасьева, поданной в 1701 г., сообщается, что он будучи в мирской должности «всех сел и деревень со всего миру ... збирал всякие великого государя поборы и монастырские подымно и по тяглу». Согласно приходно-расходным книгам этого мирского старосты (1695/1696–1699/1700 гг.), в первый сбор 1695/1696 г. им было взято «села Варваренок з 27 десятин с чет-

---

¹² «Окладчики села Щучья Иван Федоров, деревни Семеновщина Терентей Афонасьев обложили на 723 и на предбудущий 724 годы».

¹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 609. Л. 25, 27.

¹⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 398. Л. 78.

¹⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–74 об.; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 563, 567.

¹⁶ Тезис Н.А. Горской о замене в 1683 г. «такой доли окладной единицы, как “колесо” ... на “четверть десятины» [4, с. 31, прим. 6; с. 32] не находит подтверждения в мирской документации конца XVII в. Так, «колесо» зафиксировано в приходных книгах старосты с. Варваренок 1696/1697 и 1699/1700 гг. («Сельца Нижнева Олонова собрано с 7 десятин без колеса. Збирано потому ж по 40 алтын. Итого собрана 8 рублей 3 алтына 2 денги», «Принета у зборщика у Ивана Абинова сороковых поборов с 14 десятин с колесом». (ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 11, 22 об.)

вериком з десятины по сараку алтын, в другой побор по десяти алтын. Итого собрано денег сорок рублей 13 алтын 3 денги. А з десятины с трех четвериков не брата со льготчиков и скудных»; а в следующем году в первый же сбор — «села Варваренок з 26 десятин з 2 четвериков по 40 алтын. Итого собрано 31 руб. 26 алт. 4 ден. А з двух десятин с трех четвериков не брата»¹⁷. Приходно-расходные книги старост той же общины за 1703/1704 и 1704/1705 гг., а также мирских выборных новосильской вотчины монастыря (с. Глупок с дер.) за 1704/1705 г. и белевской вотчине (с. Стромок) за 1714 г. свидетельствуют, что и позднее разруб налогов осуществлялся аналогичным образом¹⁸. В рамках бытовавшей в вотчинах данного монастыря налогово-повинностной практики «десятина» крестьянской мирской документации, как представляется, была аналогом вытного или «денежного» счета, хотя исторически и восходившего по своему происхождению к реальной единице измерения земельной площади¹⁹.

Источники фиксируют основные этапы трансформации норм государственного обложения на основе числа переписных дворов в мирской разруб «по тяглу» не только денежных налогов, но и натуральных повинностей, в частности, подводной: «Нынешнего 205 году збирана на другия подводы по указу великого государя, а указ прислан в Великий пост, чтоб подымать железа з заводов на Воронеж. А с монастырских указана з 20 дымов подвода. И мирские люди приговорили нанимать. И на те подводы збирана з десятины по 10 алтын. А нанимали на подводу 5 рублей с полтиною, итого дано 20 рублей и полтора рубли. От записи и отдачи стала 13 алт.»²⁰

При «разрубке» того или иного налога или государственной повинности крестьянский мир должен был учитывать, с одной стороны, произошедшие с момента последней государственной переписи изменения, с другой — ситуацию в общине по сравнению с последним тяглым обложением. Вот как сами крестьяне объясняют несовпадение «расчетной» суммы запрашиваемого налога и реального сбора: «Збирано в Золотую полату полуполтинных денег. И в тот збор положено з десятины по 15 алтын по 2 денги, для того что тяглых жеребиев меньше переписных дворов»²¹. Сокращение числа тяглецов в общине могло быть вызвано различными причинами, соответственно, требовалось или перераспределение тягла или достаточно было предоставле-

---

¹⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–28 об.; Д. 481. Л. 3.

¹⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 399. Л. 296; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 381. Л. 1.

¹⁹ Н.А. Горская считала, что в монастырских переписях «тягло выражено в долях десятины монастырской запашки, приходящейся на каждый двор» [4, с. 25, прим. 13].

²⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 15 об.

²¹ Там же. Д. 498. Л. 742.

ния краткосрочной «льготы». В приходно-расходных книгах Ивана Афонасьева 1695/1696–1699/1700 гг. указаны дворовладельцы и размер их тягла («полудесятина», «четверик»), с которых деньги не взяты, с указанием причины предоставления льготы: «С Моски Якунина с полтара четверика, потому что он Донския Богородицы в годовых сторожах был», «старосты Ивана Климова не брата с 3 четвериков», «Евсей Пронина с трех четвериков, потому что он живет в Шаровкине монастыре в годовых целовальниках», «с Кузмы Иванова с полудесятины не брата, потому что он по мирскому приговору живет на Москве Донские Богородицы в годовых работников», «со вдовы Игнатовы жены с четверика не брата», «Дениска Якунина не брата с полудесятины, потому что он оскудал», «с целовальника с Павла Минакова з десятины не брата», «со вдовы Малаховы жены с четверика не брата ради скудости», «на Гришке Петрову не брата с полудесятины, для того что у него отец умер»²².

Вновь выявленные документы, относящиеся к монастырской деревне в Центральной России, подтверждают наблюдения А.Л. Шапиро о том, что «двор и дым гораздо реже, чем выть и ее доли, выступают в качестве окладных и раскладочных единиц в вотчинном хозяйстве» [8, с. 208]. О причинах такого предпочтения крестьян позволяет судить челобитная Переславского Федоровского монастыря, датированная январем 1703 г. Монастырские власти обращаются к царю за разрешением вернуться к прежней практике сбора государственных налогов и податей по вытню, а не с дымов: «А в прошлых, государь, годех сбирали с них монастырских крестьян всякие твои великого государя подати и стрелецкий и запросный хлеб и подводы с вытей по земельной, а не з дымов. И в том меж ими крестьяны была поверстка, село к селу и деревня к деревне против земли с выти помогали. А ныне они крестьяне село к селу и деревня к деревне не помогают, и меж ими крестьяны стала быть нелубка»²³. В челобитной особо подчеркивалось, что инициатива возвращения к прежнему принципу раскладки исходит именно от крестьян. Во исполнение последовавшего царского указа 4 мая 1704 г. крестьяне дали на себя запись («сказку») с обязательством «поверстаться нам меж собою пахотную землю и сенные покосы в мире против подмонастырских тяглых крестьян и против писцовых четвертных дач, какова где земля написана, по рассмотрению и платить государевы всякие подати против земли с тягла станем, а не с переписных дымов». Таким образом, возврат к прежнему принципу «разруба» приходящегося на общину государственных налогов и повинностей сопровождалось земельной «поверсткой»

---

²² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–28 об.

²³ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 102. Карт. 7. Д. 190.

и перераспределением тягла. Следует отметить, что в данной общине на единых принципах распределялись не только денежные, но и натуральные налоги и повинности в пользу государства [7, с. 99–102].

Введенный государством подушный оклад первоначально также был «канализирован» общиной в традиционные схемы раскладки и разруба государственных налогов [6, с. 292]. Сохранение прежней системы при раскладке уже подушных денег в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря нашло отражение в крестьянских челобитных 1724 г. «Тягла подо мной крошка с шестою долею крошки, а за саседом моим Иваном Петровым кроха без шестой доли. И у него только три души, а у меня 7 душ. И я платил с семи душ, а он с трех, и мне в том платеже не помогает, а земли не уступает», — пишет Аврам Иванов. Результат компромисса, к которому пришли сами крестьяне, легитимирован монастырским указом от 18 июня 1724 г.: «Деревни Медветковы крестьяном Авраму Иванову владеть две доли полуосмака, потому что у него написано 7 душ, а Ивану Петрову полуосмаком владеть, для того что у него написано три души. Да и для того им по выше писанному владеть, что оне промеж собою полюбовно договорились, а подушные денги им платить по тяглу»²⁴.

При переходе к подушному налогообложению сохранялась и практика сбора денег с некоторым превышением приходившегося на крестьянский мир налогового бремени. Например, крестьяне из дер. Боллобонова жаловались на Василия Козмина, сборщика подушных денег 1724 г., что он собрал с 13 крох по 14 алтын с крохи и с бобыля 7 алтын, но «в мир отписи не явит, и мы многожды у него требовали... знатно, господин, что у него есть излишние». И действительно, выборный подтвердил наличие у него мирских денег (14 алт.), несмотря на уплату налога и некоей дополнительной суммы в связи внесением платежа с опозданием (вероятно, на почести и подносы)²⁵. Крестьянские челобитные раскрывают механизм, позволявший общине, пусть и с опозданием, но платить подушные деньги. Так, Григорий Григорьев утверждал, что «в нынешнем 724-м году в Великий пост доправили на мне за саседа моего Федота Титаева, которой жил в той деревне Фадеиве на доле, подушные денги за две души, а он в лицех и живет на Бугороде у брата своего Клементия Титаева». Крестьяне дер. Ефремова просили монастырь не требовать подушные деньги за умерших крестьян, а тех соседей, которые «живут кроме нашей деревни в разных местах» или «кормятца в наймех», привлечь к уплате вместе с остальным миром, поскольку де «пашни у нас в деревне только пять

---

²⁴ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1724 г. Д. 20. Л. 32–35.

²⁵ Там же. 1724 г. Д. 14. Л. 21–21 об.

крох и с пустотою, и нам в таких лишних платежах и могуты не стало, а у нас на полосмака по двенатцети душ»²⁶.

Обусловленное существованием круговой поруки перераспределение внутри общины недоимок в подушных платежах воспринималось крестьянами как явная несправедливость, поскольку новые принципы налогообложения пришли в противоречие со старым тяглым окладом. Примечательно, что сами общинники для разрешения возникшего конфликта интересов предлагают «традиционный» метод — поравняться тяглом и землей. Подобная идея высказана, например, крестьянами дер. Чеклеева: «Тягла под нами малое число, а детей мужеска полу много... И нам Алексею с товарищи против оных соседей наших Гаврила Нефедова с товарищи в таком подушном платеже против тягла обида и разоренье... Прикажи, господин, отец, нам в том подушном окладе землю поверстатца против подушных наших платежей, чтоб нам одним в конец не разоритца» Наказная память из монастыря от 18 июня 1724 г. предписывает «учинить вам в земле равенство, поверстатца безобидно против душ»²⁷.

Рост налогового бремени в петровскую эпоху и, как следствие, увеличение недоимок, вызывали стремление монастырских властей усилить контроль за деятельностью мирского самоуправления. Показательно в этой связи содержание письма, присланного в январе 1719 г. в Донской монастырь из приписной Тихоновой пустыни (Малоярославецкий у.), в котором строитель Феофилакт излагает предложения по совершенствованию системы сбора налогов в вотчине: «Да из лутчих некие крестьяня приговаривают [чтоб] разложить всех одинатцети деревень крестьян по гнездам против дворового числа на сто на шездесят четыре двора по сколку гнезд быть на переписной двор. И когда де по указам сколько какой [подати] спросят и почему з двора и в то де время всякой двор [кто] с кем гнездами списан и платить сколько должен з запискою. И от сего де явно будет которой двор платил или не платил»²⁸.

Отметим указание на «лутчих» крестьян как «источник» данной инициативы, а также отсутствие у Феофилакта иллюзий относительно одобрения предлагаемого нововведения всеми общинниками: «И тако мне мнитца зело будет порядочно и не смутно. Однако ж я послушник

---

²⁶ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1724 г. Д. 29. Л. 1–1 об., 5.

²⁷ Там же. 1724 г. Д. 20. Л. 16–17.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5200. Л. 29. Обращение к приходно-расходным книгам старост разных вотчин этого монастыря показало, что предложение «лучших» крестьян являлось лишь относительной новеллой, поскольку в апреле-мае 1711 г. зафиксирован сбор «з гнезда по гривне на сенной платеж» (Там же. Д. 294. Л. 3–4 об., 9 об., 16 и др.).

ваш без вашего властелинского указа сего устроить не смею. И аще бы и приказал я тако [здесь быти] и оныя крестьяня есть глупые, а в речах противством грубая, не учинят того бес прекословия, в чем будет мне от них злоречие и непослушание»²⁹. Заинтересованность в подобных изменениях «лучших» крестьян связана, вероятно, с их стремлением в условиях круговой поруки сузить круг дворохозяиств, за которые они несут ответственность по налогам. Поддержка нововведения и сопутствующих предложений о реорганизации процедуры сбора денег со стороны монастырских властей была обусловлена тем, что они позволили бы землевладельцу глубже контролировать ту сферу финансово-фискальной деятельности общины, доступ в которую ранее был ограничен. Однако для значительной части крестьян-общинников подобные «новеллы» были категорически неприемлемы. Крестьянская община выступала в качестве действенного компенсаторного механизма, существенно смягчавшего давление государства на отдельное крестьянское хозяйство [6], хотя, безусловно, изменения, происходившие в рассматриваемый период в номенклатуре и объеме прямых налогов и государственных повинностей не могли ни влиять на существовавшие налогово-повинностные практики.

Литература

1. *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
2. *Бакланова [Швейковская] Е.Н.* Приходо-расходные книги мирских старост монастырской вотчины конца XVII в. как исторический источник // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 62–76.
3. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912.
4. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.
5. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
6. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
7. *Соколова Н.В.* Община в монастырской деревне Центра России в начале XVIII в. (К вопросу о поземельно-хозяйственной функции крестьянского мира) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 91–105.
8. *Шапиро А.Л.* Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1960 г. Киев, 1962. С. 207–217.

---

²⁹ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5200. Л. 29 об.